

© 2015 г.

Т.Г. НЕФЕДОВА, Н.Е. ПОКРОВСКИЙ, А.И. ТРЕЙВИШ

УРБАНИЗАЦИЯ, ДЕЗУРБАНИЗАЦИЯ И СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ РОСТА ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

НЕФЕДОВА Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН (trene12@yandex.ru); ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, главный научный сотрудник Института социологии РАН (npokrovsky@hse.ru); ТРЕЙВИШ Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН (trene12@yandex.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена исследованию современных форм урбанизации, субурбанизации и дезурбанизации. Раскрывается многогранность их понимания как физического перемещения населения, как изменения стиля жизни, ценностных ориентаций, включая явление дауншифтинга. Незавершенная урбанизация и поляризация социально-экономического пространства породили в России два мощных противоположных потока: центробежную сезонную дачную дезурбанизацию и центростремительную трудовую миграцию российских граждан из сельской местности и небольших городов в крупные городские центры. Оба потока взаимосвязаны: частичная замена переезда на постоянное место жительства в города возвратными трудовыми миграциями населения продлевает жизнь периферийных поселений, а обитаемость последних стимулирует их дачное использование. В статье раскрываются причины отходничества в города России и многообразие дач как социального явления, их влияние на образ жизни горожан и сельских жителей. Используются материалы экспедиций и исследований 2002–2015 гг., в том числе в рамках Угорского проекта Сообщества профессиональных социологов в Костромской области.

Ключевые слова: урбанизация • дезурбанизация • субурбанизация • дауншифтинг • пространственная мобильность • сельско-городские сообщества • трудовые миграции • дачи • отходничество

XXI в. дает примеры удивительной пластичности социального пространства. Оно существенно видоизменяется под воздействием внешних факторов и одновременно сохраняет внутреннюю консистентность. Происходит истончение социальной ткани, даже нарастание вакуума в одних локусах и “утяжеление”, рост социальной сплоченности и концентрация – в других. Линейные процессы модернизации, движение от простого к сложному, от технологически отсталого к продвинутому сочетаются с усилением нелинейности, возвратности, движением вспять, а также симбиозом этих разнонаправленных векторов.

Одним из ярких примеров такой разнонаправленности стали контрастные процессы урбанизации и дезурбанизации. Со второй половины XX в. тренды передвижения населения определяются не только миграцией из деревни на новые места постоянного жительства в городе, но и возвратной мобильностью населения – из города во внегородскую среду. “Жидкостная миграция”, принимающая новые формы и занимаю-

щая разные социальные ниши (конгруэнтная понятию “текучая современность”, введенному З. Бауманом [Bauman, 2000]), выходит за границы мегаполисов и заставляет по-новому анализировать социальные статусы и динамику развития внегородских сообществ, которые шаг за шагом превращаются из субкультурных экзотов в постепенно формирующийся мейнстрим. Принцип “постоянного места жительства” (ПМЖ), недавно важный для определения социального и правового статуса индивида и группы, ныне сочетается с принципом акцентуированной динамики. Внимание к развитию сетей и потоков [Урри, 2012] сближает социологию с социальной географией. Социальное пространство абсорбирует географическое и преобразует его.

Урбанизация, дезурбанизация и тенденции развития внегородских территорий¹

Сто лет назад урбанизационный бум и концентрации населения в тесном пространстве мегаполисов породили ряд проблем. Институционализация социологии в XX в. во многом была связана с исследованием города и городской жизни представителями Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт, У. Томас, Ф. Знанецкий и др.), для которых социум стал моделироваться структурно по аналогии с городом, универсальным городским пространством, а внегородское – рассматривалось как уходящее в археологический слой истории. В этом смысле социология XX в. стала по преимуществу наукой о городском социуме.

Её классики уделяли внимание соотношению городского и сельского типа организации сообществ. Г. Зиммель [Зиммель, 2002] проводил демаркацию “город–село” через понятие стилиа жизни. У Ф. Тенниса [Toennies, 1955] село соответствует типу *Gemeinschaft* с преобладанием личных отношений, а в городе, где решения обоснованы “общей пользой” и преобладают формальные отношения, – *Gesellschaft*. М. Вебер [Вебер, 2001] рассматривал город как средоточие индустриальной жизни, видя в нем причину и катализатор разделения труда. Городское сообщество – это конкуренция и формальный контроль вместо традиционалистской сплоченности крестьян.

Методологически не ушли от сельско-городской дихотомии и представители Чикагской школы, которые почти не упоминают в своих трудах сельские сообщества, и это понятно, ибо именно они создали социальную экологию и развили социологию города, но города, преодолевшего сельский образ жизни. В работах Р. Парка [Парк, 2011] и Э. Бёрджесса [Берджесс, 2000] город отождествлялся с цивилизацией, с местом, где “природа человека и человеческого общества разворачивается объемно и многогранно...” [Парк, 2008].

Вторая половина XX в. и век нынешний заставляют пересматривать подобные убеждения социологов-классиков. Это в первую очередь относится к такому тренду современности, как дезурбанизация (контрурбанизация). Возникает вопрос о долговечности города как формы социальности. Каковы возможные сценарии развития города? Каково место возвратных миграций в сельскую местность в общих дезурбанизационных тенденциях в современном российском контексте? Этот феномен не сводим к общему знаменателю. Мы рассмотрим сценарии его развития, место миграций в сельскую местность в дезурбанизационных тенденциях и в современном российском контексте.

Дезурбанизация: смысл, содержание, концептуализация. Основоположник изучения феномена дезурбанизации, современный американский социолог и географ Б. Берри, датируя старт нового процесса 1970-ми гг., отмечает его следующие признаки: “Численность сельского населения стабилизировалась, городской темп роста продолжает падать, столичный рост замедлился, а нестоличные области ра-

¹ Раздел написан Н.Е. Покровским с участием А.М. Поляковой при поддержке РНФ, проект № 14-18-03784 “Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия”.

стут быстрее, чем столичные” [Berry, 1980]. Естественный процесс роста периферии и оттока населения из центра, по мнению Б. Берри, не опосредован каким-то внешним вмешательством. Он говорит о дезурбанизации как о новом этапе урбанизации, урбанизации нового типа [Berry, 1976]. У него и у другого американского социолога, А. Филдинга, дезурбанизация отождествляется с обратной миграцией, под которой понимается перемещение на постоянное жительство из города в сельскую местность [Fielding, 1950]. Иными словами, речь идет не о неорхаическом и демодернизационном повороте к буколической цивилизации, не о возвратной редукции городского к сельскому, а о трансформации города в некие постурбанистические формы, во многом снимающие обсуждавшуюся выше дихотомию.

Дальнейший анализ феномена выявил его неоднородность. В статье Т. Контюли, С. Виард и Р. Фогельзанг подчеркивается необходимость разделять дезурбанизацию на обратную миграцию и городскую центробежную децентрализацию как отток из центров в их периферии. Процесс, по форме дезурбанизационный, является по содержанию урбанизационным, способствуя расширению городской зоны, тогда как радикальная обратная миграция направлена в удаленные сельские районы [Kontuly et al., 1986]. Таким образом, необходимо учитывать разницу между разрастанием пригорода – *субурбанизацией*, и, с другой стороны, *дезурбанизацией*, т.е. миграцией в сельскую местность с полным или частичным изменением образа жизни и соответствующим принятием сельской (или квазисельской) модели освоения социального пространства и времени. Эти различия между внешне схожими явлениями понимает М. Сант, вводя в качестве основного критерия степень осознанности “разрыва” с городской жизнью, ухода из города [Sant, 1993].

К. Митчелл в работе “Понимание обратной миграции” [Mitchell, 2004] трактует ее как процесс физического перемещения в пространстве, переосмысления предпочтений и выбор альтернативной городу жизни. Автор выделяет типы дезурбанизации согласно не только географическому критерию дальности перемещения (пригород, село), но и его мотиву. Первая форма – “экс-урбанизация” – означает переезд горожан в сельскую местность недалеко от города. Такие переселенцы тесно связаны с городом по работе, кругу общения и не желают терять городского инфраструктурного комфорта. Вторая форма – “подмена урбанизации” – характерна для тех, кого “вытеснил” город (отсутствие работы, дороговизна жизни, психологическая несовместимость с городским социумом и др.) [Mitchell, 2004: 27]. Наконец, “антиурбанизация” объединяет людей, принципиально отвергающих городской уклад жизни. Это своего рода беглецы из города, сжигающие за собой мосты и проходящие точку возврата. На этой почве произрастает феномен дауншифтинга, который представлен как один из дезурбанизационных сценариев и как стиль жизни, альтернативный культуре общества потребления. Д. Элджин [Elgin, 1981] и А. Этциони [Etzioni, 1998], последователи теории “добровольной трудовой бедности” (см. [Торо, 2001]), находили основания радикального изменения стиля жизни в отказе от материальных ценностей, стремлении к “духовному росту” за счет снижения материалистических притязаний. Э. Черир связывает дауншифтинг со страхом экологической катастрофы, бегством от нее в безопасное место, будь то обычная деревня с существующим сообществом или новая форма организации жизни – экопоселения – с отказом от благ цивилизации (см. [Задорин и др., 2014]).

Итак, дезурбанизация имеет два измерения: (а) разрастание пригородной зоны поселений и (б) обратная миграция в сельские районы как осознанный решительный выбор.

Сельско-городские сообщества в контексте глобализации. Миграция в сельскую местность связана с появлением новой формы социальной организации – сельско-городских сообществ, где сталкиваются и смешиваются оба “мира”. В “Принципах сельско-городской социологии” П.А. Сорокин предлагал новые подходы к их исследованию, поворот от традиционной дихотомии “город–село” к мысли об их со-

пряженности². П.А. Сорокин проводил различия между городом и селом по ряду критериев, трактуя их как явления, имеющие место во всех сообществах, но по-разному выраженные [Пациорковский, 2013: 168]. Именно Сорокин предложил понятие сельско-городского континуума, развитого Р. Редфилдом, в центре внимания которого находилась сельская местность. Редфилд обнаружил, что в “народных обществах”, прежде гомогенных, сакральных и коллективистских, нарастают гетерогенность, дезорганизация, секуляризация и индивидуализация. Грань между городским и сельским размывается, в “народные” сообщества проникают явления и процессы, традиционно приписываемые городской жизни [Redfield, 1930]. Это, с одной стороны, помогло формированию социологии города и социологии села как двух разных отраслей знания, а с другой – закрепило новую методологическую рамку их сопряженного анализа.

Он стал актуальнее в эпоху глобализации, стирающей многие привычные границы. Большие города объединяются в глобальную сеть, которая концентрирует основные экономические ресурсы [Hall, 1966], делая города центрами мирового производства и транснациональных коммуникаций, по сути, экстерриториальными, наднациональными. Это вошло в популярную концепцию “global city”, предложенную американским социологом С. Сассен [Sassen, 2001]. В этом смысле город по-прежнему остается центром мироздания. Городские и сельские сообщества включаются в универсальные процессы массового производства и потребления, что ведет к нивелированию различий между ними [Харви, 2015; Castells, 1983]. Однако Д. Харви утверждает, что понятия “город” и “горожане” меняются: прежде город представлялся чем-то очень компактным и географически определенным, а теперь люди, живущие в сотнях километров, скажем, от Нью-Йорка, по своему образу жизни тоже горожане. Глобальные процессы выводят городскую жизнь за территориальные рамки прошлого, делая внегородские поселения по стилю жизни городскими, отнюдь не “крестьянскими”. В современном глобализованном мире противопоставление “городской–крестьянской (сельской)” потеряло свой основополагающий смысл. Такова пластика современности, объединяющая в новой комбинации полярные социальные формы.

В отечественной социологии тема трансформации сельской жизни под действием глобализации нашла выражение в концепции “клеточной глобализации” [Покровский, 2014]. Идея о проникновении глобальных процессов во все “клетки общества” прежде чисто сельских сообществ подробно исследована на примере Ближнего Севера Европейской России. Глобализационная матрица в равной степени трансформирует и город, и сельские поселения, выявляя их общую транзитивно-динамичную основу. Было обнаружено, что для практик сельских жителей характерны:

- всеохватность и комплексность изменений (от сферы приложения труда, его организации до социальных отношений);
- новая система рациональности (начинает доминировать установка на экономическую рациональность);
- общая пластичность и гибкость (способность адаптироваться к изменениям);
- изменение восприятия географического пространства (возросшая географическая мобильность, проникновение информационных технологий: сотовой связи, спутникового телевидения, Интернета, снимающих ограничения физического пространства);
- множественность культурных феноменов (особенно у молодежи);
- рост интереса к примордиальным факторам, реминисцентной архаике (даже у дачников, проявляющих интерес к артефактам ушедшей сельской жизни);
- появление престижного потребления;
- полагание на свои силы (“никто не поможет мне, если не я сам”).

² Примечательно, что П.А. Сорокин в 1932 г., будучи профессором университета в Миннеаполисе, издал три тома “Систематической антологии сельской социологии”. Все это происходило на фоне всеобщего увлечения исследованиями Чикагской школы, полностью сосредоточенной на урбанистике (Sorokin P.A. Zimmerman and Galpin, *A systematic source book in rural sociology*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1930, 1931, 1932).

Если культура и образ жизни внегородских поселений прежде трактовались в основном через сельскохозяйственные практики, теперь традиционное агропроизводство при сохранении значимости там, где оно экономически выгодно, входит в систему рядоположенности с другими экологическими и рекреационными факторами.

Анализ движений населения, включая дезурбанизационные, поднимает важный методологический вопрос. Намечающаяся миграция горожан во внегородскую среду – это уход за пределы города, его отрицание, признак перехода на новую стадию цивилизационного развития? Или это эволюция города, новая ипостась, реализующая себя в иной географической среде? Эти вопросы ведут нас к обсуждению общей темы: что есть город в современном понимании? Либо это прежде всего инфраструктура (здания, объекты транспорта, энергоснабжения и пр.), что соответствует обыденным представлениям, либо город существует в сознании людей, в их жизненном мире, представлениях о стиле коммуникаций, в новых видах социальной сплоченности? Имеем ли мы дело с развивающимся городом, вбирающим в себя ближние и дальние периферии, или с принципиально иной жизнью – *жизнью после города* (“Life After the City”³) по новым цивилизационным координатам?

Мы не можем ответить на эти вопросы однозначно, но их постановка заставляет задуматься о том, что в социальном мире относится к прошлому, а что – к будущему.

Незавершенность российской урбанизации и пространственная мобильность населения⁴

Согласно теории дифференциальной урбанизации, разработанной в конце XX в. [Richardson, 1980; Fielding, 1989; Geyer, Kontuly, 1993], признаками ее стадий служат темпы роста (убыли) не просто числа жителей, а миграционный приток (отток) в городах разного размера и на селе. Вначале урбанизация выводит вперед большие города, растущие за счет меньших. На ее зрелой стадии их рост максимален, но затем следует “поляризационный разворот”, когда аттрактивнее средние города и понемногу растет привлекательность малых. Контрурбанизацию отличает привлекательность малых городских и сельских поселений.

Урбанизация в России в XX в. приобрела взрывной характер, чем Россия похожа на развивающиеся, в т.ч. латиноамериканские, страны. Ее особенность – гипертрофия столицы, эксплуатирующей так называемую ренту столичного статуса [Зубаревич, 2012]. Москва превосходит Санкт-Петербург по населению в 2,3 раза, прочие крупнейшие города страны – в 8–10 раз. Сверхконцентрация сочетается с редкой сетью городов и депопуляцией обширной периферии.

С приближением к стадии поляризационного разворота проступают отличия, связанные с климатом страны, социальными традициями и экономическими контрастами [Нефедова, Трейвиш, 2002]. В начале 1990-х гг. “на землю” вернулась часть неукорененных горожан, которые с репатриантами с окраин экс-СССР и России приостановили безвозвратный отток из глубинки. В 2000-х гг. на подъеме экономики он возобновился, подтверждая факт незавершенности российской урбанизации, провоцируя особый тип полуурбанизации – массовое отходничество.

Субурбанизация и контрурбанизация западного типа с переселением из крупных городов в пригороды, сельскую местность и ростом там мест приложения труда в России выражены слабо. Зато теснота городских квартир и боязнь их потери стимулируют горожан к сезонной жизни на два дома – в городе и на даче. Временная мобильность с трудовыми и социально-рекреационными целями влияет на расселение. Оно все сильнее пульсирует по сезонам года, дням недели, часам суток.

³ См.: [Pokrovsky N., Guseva Yu., 2012].

⁴ Раздел написан Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвишем при поддержке РФФ, проект № 14-18-00083, выполненный в Институте географии РАН, “География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме”.

Рост мобильности свыше 40 лет назад предсказала теория так называемого миграционного перехода [Zelinsky, 1971]. Противоречия мобильной и оседлой жизни, сжатия дистанций и самого пространства, его массового “потребления” формируют на Западе обширный дискурс [Meyrowitz, 1985; Thrift, 1996; Cairncross, 2001; Urry, 2005; Florida, 2008; Aybek et al., 2015]. В России он появился недавно [Сжатие..., 2010; Урри, 2012; Потенциал..., 2014], хотя весьма актуален.

Мобильность (миграции) можно классифицировать по ряду оснований: времени (безвозвратная на ПМЖ и возвратная, в том числе регулярная); территории (внутренняя и внешняя, межрайонная, межселенная); направлению (отточная и приточная, встречная, круговая, ступенчатая и т.д.); мотиву (экономическая, социальная, экологическая, рекреационная, культурная, политическая); по регуляции (организованная или стихийно-индивидуальная). Сосредоточим внимание на тех видах, которые формируют реальный сельско-городской континуум, где человек может жить и городской, и сельской жизнью. В первую очередь это сезонно-дачные и трудовые миграции.

Дачники: от подвижности к полуседлости. Дачи, ставшие одним из социальных брендов России, изучены слабо. На Западе поток работ на эту тему превосходит российский и быстро растет [Трейвиш, 2014; Second homes..., 1977; Multiple Dwelling..., 2006; Second Home Tourism..., 2013].

Проблемы жизни в мегаполисах породили в России центробежный поток горожан с “особой ритмикой”. Жилье в городе как личный капитал, слабость внегородской инфраструктуры, нехватка средств на оснащение дачи для круглогодичного проживания и дачная традиция создали практику, отличную от западной. По устойчивости этой традиции и массовости второго жилья Россия – чемпион мира. Только садоводческих участков здесь 14 млн. Вместе со старыми собственно дачами, новыми виллами в пригородах, на российских и зарубежных курортах, наследными и покупными сельскими домами это, как минимум, 17–20 млн, или половина и более городских семей.

Изучать дачи можно в контексте урбанизации и дезурбанизации, расслоения дачников по достатку, занятиям, вкусам. Жизнь на два, а то и три дома становится нормой. Дачи вносят вклад в самообеспечение горожан овощами, фруктами, ягодами, в неформальную экономику. Актуален анализ влияния дач на местную экономику, занятость, доходы и цены. По размещению дачи можно делить на ближние (пригородные), среднеудаленные и дальние. Они различаются расстоянием от города, типом строений и участков, числом и составом дачников, их отношениями с местным населением [Нефедова, 2012, 2013].

Дачи вблизи Москвы, Петербурга и других крупных городов отличаются пестротой застройки (“от замков до сараев”) и состава дачников, отделены от окружения высокими заборами и психологически; к строительству и ремонту привлекаются иностранные рабочие или отходники из других регионов. Визуально выделяются дорогие особняки и коттеджные поселки, а по площади – садовые и стародачные товарищества. Они образуют обширные малозатражные псевдогорода. Несмотря на близость к ним, дачи, как правило, посещаются летом и по выходным дням. Дачная субурбанизация *выплескивает* из города не столько постоянное население, сколько его капитал. Обследование дачных и коттеджных поселков в 20 км от МКАД (с выборкой 240 участков) в выходные дни июля 2014 г. показало обитаемость деревянных дачных домов на уровне 70%, каменных особняков – 50%. В Московской области дачи имеют 3 млн москвичей, что увеличивает наличное население Подмоскovie в летний сезон примерно на 60%, а сельское – в 2,5 раза [Махрова, Кириллов, 2015; Нефедова, 2013].

Среднеудаленные дачи (до 250–300 км) требуют три часа дороги и характерны для жителей мегаполисов. Садовые участки выделялись населению областных и районных центров, но малую их часть перекупили столичные дачники. На этой дистанции по Волге, Оке стоят и коттеджные поселки. Чем дальше от Москвы, тем меньше доля садоводческих массивов и больше домов, купленных или унаследованных горожанами в деревне. Дачники летом в разы увеличивают население муниципальных

районов, особенно примыкающих к внешним границам Московской области. Однако местные власти мало что имеют от дачников, кроме проблем с мусором, дорогами и т.п., поскольку налоги с дачной недвижимости (не всегда регистрируемой) низки.

Дальние дачи обычно принадлежат москвичам или петербуржцам и расположены в 300–700 км от столиц. Интересуются ими и северяне. Таких дач было и осталось много между столицами [Путешествие..., 2015: 188–205], к северу и северо-востоку от Москвы. Эти нечерноземные районы отличает глубокий кризис, сжатие обрабатываемых земель на фоне долгого сокращения сельского населения. Дачники в таких местах – особый тип горожан старшего и среднего возраста, среднего достатка и таких интеллектуальных занятий, которые позволяют им проводить на дачах немалое время [Потенциал Ближнего Севера..., 2014: 140–167]. Они ощущают себя своеобразной диаспорой, общаются друг с другом, с местными жителями, так как в разреженном социальном пространстве оба сообщества взаимозависимы.

Кроме мотива сезонного дауншифтинга – желания уйти от стрессов мегаполиса, тягу к дачной жизни опосредуют поколенческие различия: много времени вдали на природе чаще готовы проводить люди преклонного возраста и их внуки. В 2014 г. на вопрос “Хотели бы Вы жить на даче постоянно?” до половины дачников в Угорском поселении Костромской области не дали ответа, треть – ответили отрицательно. Барьерами обратной миграции, кроме расстояния, они называли низкое качество дорог, ненадежность связи (Интернета) и торговли, отсутствие школ и поликлиник. Обратные мигранты здесь – единичные случаи с явными признаками дауншифтинга [там же: 150–165].

Не считая убежденных переселенцев, которыми движет протестная или религиозная логика, в этом смысле перспективны горожане, желающие улучшения качества жизни [Звягинцев, Неуважаева, 2015], которое они связывают с сельским укладом и хозяйством. Проблемы дезурбанизации связаны еще с тем, что горожанам трудно вписаться в местное сообщество. Их попытки начать собственное дело чаще опираются на дачно-городские, чем на местные связи. Городская молодежь, активно обсуждая тему в социальных сетях, не готова к переезду в сельскую глубинку.

Современное отходничество как вид горизонтальной мобильности. “Нео-отходничество” со второй половины 1990-х гг. при социально-экономической поляризации пространства России стало одним из способов повышения уровня жизни в деревне и малом городе [Великий, 2010]. Среди причин его массовости выделяются следующие.

1. Нехватка рабочих мест в небольших городах и сельской местности. В ходе поляризации пространственного развития проступает закономерность: чем меньше город, тем выше вероятность его социально-демографической депрессии, больше относительные потери населения [Нефедова, Трейвиш, 2010; Нефедова, 2013]. В 2010–2013 гг. к депрессивным (с высокой долей убыточных градообразующих предприятий, незанятого трудоспособного населения) можно было отнести 2/3 малых городов и 1/5 средних. Поляризация сельской местности и аграрной экономики привела к расслоению районов на успешные южные и пригородные, с крупными агрохолдингами, фермерскими хозяйствами, и депрессивные, с заброшенными полями и фермами.

2. Различия в уровне зарплат в крупных городах, их пригородах и в глубинке. Обследование территории между Москвой и Санкт-Петербургом [Путешествие..., 2015] выявило 3–4-кратные градиенты средних по муниципальным районам заработков в пристольных областях (без столиц) и в глубинке. Сильнее всего отстали зарплаты в сельском хозяйстве (составляя почти 100% среднероссийских в 1980-е гг., они не достигали в 2013 г. и 50%). Крупные центры нужны населению не для того, чтобы тратить деньги, как в советское время, а чтобы зарабатывать, к чему и прибегает активная часть провинциального сообщества.

3. Неготовность населения к малому бизнесу как альтернативе крупным предприятиям в кризисных районах. Это связано не только с общими институциональными

барьерами (налоги, бюрократия, отсутствие инфраструктуры сбыта), но и с отрицательным социальным отбором в связи с отъездом из поколения в поколение активной молодежи и работников, подрывавшим хозяйственную деятельность. Сокращается и личное подсобное хозяйство из-за старения населения и отсутствия помощи колхозов [Потенциал..., 2014: 15–73]. Вдобавок развитие местного малого бизнеса блокирует низкий платежеспособный спрос.

4. *“Ловушка свободного времени”*. Помесячный, понедельный ритм труда или режим “сутки на трое” формирует специфику личности отходника [Плюснин и др., 2013]. Зарабатывая в городе, он может дома вести личное хозяйство, подрабатывать по найму, и к ежедневному труду ему вернуться трудно. Даже имеющиеся вакантные места заполнены на 20–30%, т.к. трудоспособное население предпочитает ездить в столицы и агломерации.

В последние годы потоки трудовых мигрантов между регионами России, включая маятниковые, оцениваются на основе ежегодных обследований населения по проблемам занятости. В 2012–2013 гг. они составляли 2,3 млн человек [Труд и занятость, 2013]⁵. А по оценке Ю.М. Плюснина, число отходников достигает 15–20 млн [Плюснин и др., 2013]. Это свидетельствует о неизученности феномена. В обследованных нами сельских районах доля трудоспособных мужчин, регулярно работающих на отходе, колебалась от 5 до 30% и зависела от транспортной доступности крупного центра, состава местного населения, набора предприятий и их состояния.

Отходники подвержены эксклюзии, выпадая из социальных и политических связей, связей и правового поля как “дома”, так и в местах отработок. Вместе с тем они являются проводниками городских благ и ценностей из центров на периферию, трансляторами ее проблем и чаяний в центры, живыми факторами консолидации межрегионального, возможно, всероссийского масштаба.

Урбанизация и мобильность: вместо заключения. Урбанизация и город веками способствовали карьере, предоставляли лифты и возможности повышения уровня и качества жизни населения. Недаром часть российских отходников все-таки остается в мегаполисах, а дачников, даже желающих переехать в деревню, удерживают бедность и обезлюдение периферии, недальновидная политика экономии на ее обустройстве.

Мечта людей о сочетании лучших сторон города и деревни старше научной апологии урбанизации. В разные времена у разных народов она находила частичное воплощение. Российским условиям подошел такой вид совмещения двух образов жизни, как временная дачная дезурбанизация, требующая пространственной мобильности и нередко дауншифтинга. Но с ним сопряжено и отходничество как в профессиональном плане (ради заработка люди готовы на любой труд), так и в социальном (из-за выпадения из полноценной жизни города и села).

Два потока – центростремительный из сел, малых городов, и центробежный из крупных – взаимосвязаны. Массовость сезонных дачных миграций и редкость переселений горожан в сельскую местность, их слабая приживаемость там (хотя они могут создавать рабочие места) стимулируют отход местных жителей. А он, удерживая семьи работников в деревне и продлевая ее жизнь, способствует закреплению ее дачного характера. Дачники не только сохраняют дома на периферии, но и формируют особые сообщества. По Ю.М. Плюснину, дачники и отходники, выделяющиеся в местной среде достатком, внешним видом и даже поведением, “лучше понимают друг друга и легче вступают во взаимодействие, чем отходники и их соседи” [Плюснин и др., 2015].

Массовые перемещения дачников и отходников и их жизнь на два дома, порой равнозначная по времени, затрудняет понимание того, сколько людей реально живут и работают на селе, в малых и больших городах. Это серьезное препятствие развитию

⁵ Ежеквартально в РФ опрашиваются 69 тыс. человек, что составляет 0,25% населения в год [Обследование..., 2013].

и обустройству территории России, поскольку бюджетные средства выделяются с учетом только постоянного населения. Между тем разница в наличном населении Москвы в летний выходной и в зимний будний день достигает 5 млн человек [Махрова и др., 2012]. В то же время рост горизонтальной мобильности, как и вертикальной, есть одна из форм модернизации общества и образа жизни его членов. В этом качестве она заслуживает пристального внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бёрджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2000. № 4. С. 122–136.
- Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс, 2001.
- Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
- Задорин И., Мальцева Д., Хомякова А., Шубина Л. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Журнальный клуб Интелрос “Лабиринт” 2014. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/labirint/12-2014/24563-alternativnye-selskie-poseleniya-v-rossii-stihiynaya-vnutrennyaya-emigraciya-ili-osoznannyy-transfer-v-budushee.html> (дата обращения: 05.06.2015).
- Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. Переселенцы в сельскую местность: феномен “обратной миграции” в современной России // Мир России. 2015. № 1. С. 101–135.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С.
- Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. 2012. № 6(57). С. 6–19.
- Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1(47). С. 117–125.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Пространственные тенденции социально-экономического развития Московской агломерации // Территория и планирование. 2012. № 4(40). С. 18–34 (см. также: Демоскоп Weekly, № 517–518, август 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema01.php>. (дата обращения: 5.06.2015).
- Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. Т. 48(3). С. 204–216.
- Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013.
- Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в современной России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. 2015. № 641–642. 4–17 мая.
- Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в современной России. География // Демоскоп Weekly. 2015. № 643–644. 18 мая – 31 мая.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория “дифференциальной урбанизации” и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–56.
- Обследование населения по проблемам занятости. Федеральная служба гос. статистики, 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm (дата обращения: 12.02.2015).
- Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала “Социологическое обозрение”. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 42–43.
- Парк Р.Э. Избранные очерки. М.: ИНИОН РАН, 2011.
- Пациорковский В.В. Социология расселения как специальная социологическая теория // Новые идеи в социологии: монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 168.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 469 с.
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. Т. 24. 1. С. 35–71.
- Покровский Н.Е. Ближний Север в контексте мировых трендов (вопросы теории) // Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. С. 451–486.
- Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014.
- Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.: URSS, 2015.

- Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / Под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцера. М.: Эслан, 2010.
- Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд "Университет", Владимир Даль, 2002.
- Торо Г. Высшие законы / Пер. с англ., общ. ред., предисл., сост. Н.Е. Покровского. М.: Республика, 2001.
- Трейвиш А.И. "Дачеведение" как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. География. 2014. № 4. С. 22–32.
- Труд и занятость. Статистический справочник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013.
- Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Харви Д. Городской опыт. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=105> (дата обращения: 13.05.2015).
- Aybek S.M., Huinink J., Muttarak R. (eds). Spatial Mobility, Migration, and Living Arrangements. Cham, Heidelberg etc.: Springer, 2015.
- Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Berry B. Urbanization and Counterurbanization in the United States // ANNALS, AAPSS. № 9. 1980. P. 14.
- Berry B. The counterurbanization process: urban America since 1970 // Urban Affairs Annual Reviews. 1976. № 11. P. 17.
- Cairncross F. The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change our Lives. Harvard Business Press, 2001.
- Fielding, A. Migration and counterurbanization in Western Europe since 1950 // Geographical Journal. 1989. № 155. P. 62.
- Castells M. The city and grassroots. A crosscultural theory of urban social movement. London: EdwardArnold, 1983
- Geyer Y.S., Kontuly T. The Theiretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization // International Regional Science Review. 1993. 15(3).
- Florida R. Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life. Philadelphia: Basic Books, 2008.
- Elgin D. Voluntary simplicity: Toward a way of life that is outwardly simple, inwardly rich. New York, 1981.
- Etzioni A. Voluntary Simplicity: Characterization, select psychological implications, and societal consequences // Journal of Economic Psychology. 1998. № 19. P. 619–643.
- Hall P. The World Cities. London: World University Library, Weidenfeld & Nicolson, 1966.
- Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R. Counterurbanization in the Federal Republic of Germany // The Professional Geographer. 1986. № 38(2). P. 174.
- Meyrowitz J. No Sense of Place. New York: Oxford University Press, 1985.
- Multiple Dwelling and Tourism / McIntyre N., Williams D., McHugh K. (eds). Oxfordshire, UK, Cambridge MA: CABI Publishing, 2006.
- Mitchell C. Making sense of counterurbanization//Journal of rural studies. № 5, 2004. P. 27.
- Pokrovsky N., Guseva Y. Alternative to Urbanization: Life after the City // Better Life Magazine. April 2012. URL: <http://livebettermagazine.com/article/alternative-to-urbanization-life-after-the-city/> (дата обращения: 05.06.2015).
- Redfield R. Tepoztlan, a Mexican Village: A Study of a Folk Life. Chicago: University of Chicago Press, 1930.
- Richardson H.W. Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association. 1980. № 45. P. 67–85.
- Sant M. Coastal Settlement Systems and Counter-Urbanization in NSW // Australian Planner. 1993. № 31. P. 108–113.
- Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Coppock J.T. (ed.) Second homes: curse or blessing? Pergamon Press, 1977.
- Roca Z. (ed.) Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses. Farnham, UK – Burlington, USA: Ashgate Publishing, 2013.
- Sorokin P.A., Zimmerman K., Galpin. A systematic source book in rural sociology. Vol. 1–3. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1930, 1931, 1932.
- Thrft N. Spatial Formations. London: Sage, 1996.
- Toennies F. Community and Society. New-York: Harper and Row, 1955.
- Urry J. Consuming Places. London: Routlegde, 2005.
- Zelinsky W. The hypothesis of mobility transition // Geographical Review. 1971. Vol. 61. № 2. P. 219–249.